

САМАЯ СТРАШНАЯ КНИГА

ЧЕРНЫЕ ЛЕГЕНДЫ

Составители

Парфенов М. С., Дмитрий Тихонов

Москва

Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ч-49

Серийное оформление: *Юлия Межова*

Иллюстрация на обложке: *Татьяна Веряйская*

Ч-49 **Черные легенды** : [антология] / составители: Парфенов М. С., Дмитрий Тихонов.— Москва : Издательство АСТ : Астрель-СПб, 2026.— 544 с.— (Самая страшная книга).

ISBN 978-5-17-187586-2

С глубокой древности человек знал: безмерно слаб и ничтожен он пред лицом великих сил, со-
трясающих мироздание.

Бешенство зимней вьюги, холодная мощь морей, вкрадчивая поступь чумы — люди учились жить в Их непроглядной тени, давали Им имена, искали способы с Ними договориться.

И конечно, слагали истории — легенды о жестоких божествах и голодных чудовищах... и о тех, кто однажды осмелился бросить богам и чудищам вызов.

Этой книгой мы продолжаем традицию. Смотрим на мир глазами людей из далекого прошлого, оказавшихся лицом к лицу с непобедимой всевечной тьмой, полной жадных оскаленных пастей.

Слагаем новые легенды. Черные, как самая крошечная ночь.

ISBN 978-5-17-187586-2

© Авторы, текст, 2026
© Парфенов М. С., составление, 2026
© Тихонов Д. А., составление, 2026
© Веряйская Т. Б., ил. на обл., 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Герман Шендеров

НАСТОЯЩИЕ ЛЮДИ

Итти на чюкч военною рукою и всеми
силами стараться самих в конец разорить
и в подданство привести.

Указ Сената Российской империи, 1740 год

Колыхаясь, простиралась бездна, насколько
глаз хватало. Необозримая, безбрежная, черно-
белая. Вот прошла волна, и льдина, на которой
плашмя лежал Лелекай, вздыбилась, взбрыкнула,
но молодой охотник держался крепко.

«Не уплыла бы!» — малодушно подумал он, но
тут же отбросил эти недостойные настоящего че-
ловека мысли.

Вот мелькнуло что-то в непроницаемо-черной
водице. Лелекай среагировал мгновенно — гар-
пун пронзил волну, погрузился едва не на всю
длину, но не встретил никакого сопротивления.
Разочарованный, Лелекай осторожно пополз на-
зад, прижимаясь к льдине, чтобы не смыла смер-
тоносная, холодная, как сердце рэккена, волна.

Дедушка Имрын сидел без движения, поодаль
от берега. Задубевшая камлейка из моржовой
шкуры делала старого шамана похожим на исто-
ченный ветрами каменный утес. Лишь живые,
черные, будто угольки, глаза вопросительно
взглянули на Лелекаю, когда тот без добычи при-
близился к старику.

— Не идет! — бросил Лелекай, протягивая руку шаману, чтобы помочь тому забраться на нарты.

Старик не спешил. Глаза его на безжизненном, похожем на выдубленную кожу лице сверлили морскую гладь. Та неохотно наливалась розовым в лучах заката, точно кто-то глубоко на дне потрошил усатого кита.

— Значит, пора, — ответил дедушка Имрын.

— Пора для чего?

— Враг на нашей земле. Боги гnevаются. Добыча ушла, ветер становится холоднее...

— Разве у настоящих людей есть враги? — по-дивился Лелекай.

— Наши братья размякли в тепле. Им не надо охотиться — у них есть олени, им не надо сражаться с океаном — в тундре нет ни льда, ни холода. Они ослабли, стали лишь тенью настоящих людей, смешали свою кровь с этими бледными двуногими. Они не справятся. Скоро все здесь будет кишеть этой пучеглазой чудью, а киты, нерпы и тюлени уйдут навсегда.

— И что делать?

— Прогнать чужаков! — твердо заявил старик. — Нам надо выдвигаться.

— Да, дедушка. Когда выступаем?

Лелекай уже бросился к нартам, собравшись подстегнуть дремлющих оленей, когда дед осадил его коротким посвистом.

— Не спеши. Есть еще дело, — хрипло процедил он. — Скажи, Лелекай, твой младший сын уже держит в руках лук?

— Дедушка?..

Лелекай не понимал, что шаман имеет в виду, но почувствовал, как где-то под сердцем столкну-

лись льдины, раскалываясь на тяжелые холодные торосы, вымораживая внутренности до основания, да так, что язык примерз к небу.

— Отвечай. Или ты тоже размяк? Ты тоже больше не луораветлан?

— Я сделаю все, что скажешь, Имрын,— обреченно ответил юноша. Называть этого, теперь чужого, жуткого, старика дедушкой ему не хотелось.

— А моржа поймать все одно надо. Тюлень тоже подойдет. И чайку подстрели.

— Да, Имрын.

Кайнын чувствовал себя неуютно в Анадырском остроге. Было неприятно смотреть на заискивающих собратьев-коряков, согласных на любую работу за краюху хлеба. Досадно было глядеть на соплеменниц, которых брезгливо пользовали подданные Белого Царя. Неумехи-казаки строили свои яранги из бревен, так что казалось, будто Кайнын сидит в продуваемом всеми ветрами, почему-то положенном набок лесу, где не видно неба. Жаровни едва спасали от мороза, пальцы давным-давно потеряли чувствительность, и приходилось тыкать шомполом наугад, надеясь, что гром-железо не треснет в руках, точно ствол дерева в лютый мороз. Новые хозяева корякских земель толпились у наскоро сложенной кособокой печи и, стуча зубами да притопывая, перекидывались скабрзностями, ничуть не стесняясь Кайнына.

— А я давеча, господа хорошие, одну штуку слышал,— то ли с подхихикиванием, то ли дрожа

от холода рассказывал пшеничноусый стрелецкий сотник.— Василий из Орловской губернии рассказывал. Мол, ежели тебя чукча в гости пригласил, он тебя накормить, напоить должен, а опосля — с женой своей уложить.

— Это еще зачем? — силло пробасил другой, заросший, как медведь.

— Как же зачем? Они ж там сидят безвылазно в своих чумах, свежей крови взяться неоткуда. Выходят все один кривей да страшней другого, что ни рожа — хушь плачь. А так все ж какое-никакое разнообразие!

Мужичье разразилось громким хохотом. Кайнын сжал зубы, но промолчал. Да и что они — коряки, якуты, тунгусы, юкагиры — могли сделать этим бесстрашным, бледным, как смерть, псам Белого Царя? Подобно ножу в олений бок, вошли они в тундру и подмяли под свой железный сапог, обложили ясаком каждую ярангу, которую встретили на пути, неостановимые, как сама выюга. И когда казалось, что нет предела власти и могуществу русских, те пошли войной на луораветлан — «настоящих людей». И теперь застрял Кайнын со всем своим племенем меж властными казаками и воинственными чукчами, как заяц в силках. И кто бы ни победил в итоге, самому Кайныну и корякам, как ни крути, недобровать.

— А все ж бабье у них, надо сказать, премерзейшее. Кривоногие, узкоглазые да салом дюже воняют. Аж руки скользят! От зачем оно им?!

— А пес его знает! Мож, шоб мягче входило,— пожал плечами пшеничноусый.— Супротив меня всяко не помогает — стонут подо мной, аки гусыни!

— Ох, гуся бы сейчас... Уж зубы сводит от той оленины.— В доказательство медведеподобный сотник продемонстрировал кровоточащие десны.

— Я слышал,— фальцетом добавил высокий, тонкокостный,— корякский младенец ничуть не хуже гуся будет, коли правильно запечь...

Кайнын скрывал, что понимает русский, но тут не выдержал, сжал кулаки и выронил пищаль. Та с грохотом свалилась на деревянный пол. Зажал уши он вовсе не из страха перед гром-железом — знал ведь, что без заряда не выстрелит.

— Дикарь, ей-богу! — разразились смехом сотники.

В ответ он угодливо покивал, щерясь и прикладывая все старания, чтобы улыбка не походила на оскал. В презрении русских Кайнын видел свою маленькую унижительную выгоду: в хорошем настроении стрельцы могли отослать его обратно в ярангу, к жене и детям, а если повезет — еще и вручить с собой скудной еды.

Вдруг распахнулась деревянная дверь, впус- тив ветер и стужу в бревенчатую ярангу, и смех погиб, утих, запнулся, точно подстреленный олень. Через порог перешагнул громадного роста русич — медведеподобный сотник ему и в подметки не годился. Красную, налитую кровью морду с мясистым носом украшали непомерно громадные, топорщащиеся во все стороны усы. Снег хрустел под сапогами драгунского майора Павлуцкого, пока тот вальяжно шел через помеще- ние. Фамилию коменданта Кайнын знал хоро- шо, но, как и остальные коряки, смел говорить о нем лишь шепотом и только на своем языке. Среди северян, будто моровое поветрие, распол-

зались внушающие страх слухи об ужасном Морже-Казаке.

— Смирно! — раздалась хриплая команда.— А этот кривоногий что здесь делает?

— Так ведь пищали починяет, ваше благородие! — услужливо ответил тонкокостный.

— Русский понимает? А?! Ты, черт узкоглазый, по-нашенски разумеешь, нет?!

Майор схватил Кайнына за ворот лопатобразной лапищей в толстой рукавице и как следует потряхнул, едва не подняв того с пола. Кайнын заныл умоляюще:

— Русски — друг, коряки — друг, нэ бей!

Павлуцкий удовлетворенно кивнул, отпустил молодого северянина и направился к печи.

— Водки мне!

И тут же молодая миловидная корячка вынырнула откуда-то из мехового лежбища за печью и подобострастно подала меховую флягу. Хлебнув, майор рыкнул, махнул рукой, отгоняя девчонку, и обратился, наконец, к сотникам:

— Ну что, бездельники, всех баб переимели али остались ишшо? Какие вести?

— Туго все, майор-батюшка. Ни в какую... — замылся пшеничноусый. Все его бахвальство в момент растаяло весенним снегом, обнажив благоговейный ужас перед Моржом-Казаком.

— Ну, показывайте! — грубо приказал Павлуцкий.

Заросший сотник подобострастно поклонился, шмыгнул за печь и выкатил оттуда деревянную бочку. Трогать ее руками он лишний раз опасался — железные обручи малиново светились, оставляя на дощатом полу черные полосы.

Поставив бочку на попа, он натянул перчатки и вскрыл топором крышку. Тонкокостный зачерпнул ковшиком воды из ведра и щедро плеснул внутрь. Из бочки тут же повалил густой пар. Павлуцкий опрокинул бочку ногой, и на пол ссыпался дрожащий голый человечек с розовыми подпалинами на спине и плечах.

Поначалу Кайнына охватила жгучая жалость к несчастному коряку, над которым жестоко поиздевались казаки. Но человечек вдруг подпрыгнул, ловко увернулся от тяжелого пинка сапогом и уцепился в кочергу, что торчала из печной заслонки. Слух Кайнына прорезало шкворчащее шипение ладоней пленника, и в этот момент он с ужасом осознал: из бочки выбрался не коряк, но луораветлан. Бросив пищали, молодой коряк рванул к двери, но не тут-то было. Видимо, все еще не пришедший в себя чукча среагировал на движение и метнулся за ним следом, угрожающе размахивая кочергой. Невысокий, коренастый, он был похож на черный сушеный фрукт, каким однажды угостили Кайнына подданные Белого Царя. Вспомнив вкус этого фрукта — терпкий, кисловатый, вспомнив, как пас с отцом оленей, вспомнив влажный жар между ног Лэктэне, юноша закрыл голову руками, зажмурился и приготовился к смерти.

Но удара не последовало. Раздался свист, а следом — грохот падающей кочерги. На лицо брызнуло что-то горячее, раздался задушенный стон. Непокорный луораветлан изо всех сил сжимал зубы, цедя натужный, жуткий хохот — им «настоящие люди» заменяли крики боли. Он метался в руках сотников, орошая дощатый пол кровью из укороченной вполовину руки.

— Скажите девке, пусть ему культю замотает и прижгет, а то разговора не получится.— Павлуцкий уже вытирал саблю какой-то тряпицей перед тем, как убрать ее в ножны.— А разговор предстоит долгий... Ты, кривоногий!

Кайнын еще не успел осознать, что жизнь его спасена, а потому не сразу понял, что майор обращается к нему.

— Ты, коряк! Ты глухой?! — побагровел от нетерпения Морж-Казак, в ответ на что Кайнын энергично замотал головой, не сразу поняв свою ошибку.— Ага, по-нашенски, значит, ты все же разумеешь! Кривошапкин! А ну, поднесь кривоногому водки!

Пышноусый был тут как тут с меховой фляжкой. Больно стукнув Кайнына в зубы, он почти силой влил в него несколько глотков огненной воды, отчего юноша тут же закашлялся. Горло жгло, будто он наглotalся углей, а жар пошел ниже, взорвался где-то в животе и растекся по конечностям нежным раскаленным железом. Неожиданно захотелось еще, и Кайнын жадно потянулся губами к бурдюку.

— Ну, будет-будет! Остальное отдай этому... печеному, пусть быстрее в себя приходит,— пробасил майор, взяв Кайнына широкой лапицей за шею.

«Захочет — раздавит голову как яйцо»,— подумал юноша.

Павлуцкий, обдав его водочным духом, спросил:

— А что, коряк, может, ты и по-ихнему балакаешь? Толмачом нам будешь?

Кайныну не оставалось ничего, кроме как кивнуть. Язык луораветлан он действительно

немного знал — еще ребенком ему довелось побывать в чукотском плену. То были тундровые чукчи, уже не такие беспощадные и свирепые, как поморники: они с удовольствием продали жизнь мальчонки за дубленую кожу и троих оленей.

— Пойдем, парень, потом свои пищали дочистишь! — Майор подтолкнул Кайнына к печи, где на привязи, точно пес, сидел теперь перебинтованный пленник.

Рассмотрев его получше, юноша внутренне содрогнулся — оба предплечья чукотского воина были изукрашены скопищами черных человеческих фигурок.

— Чернорукий это,— сообщил Кайнын Павлуцкому.— Говорить не будет!

— Да хоть чернозадый! — сплюнул Морж-Казак.— Котковский! Где вы его такого взяли?

— Да вот, майор-батюшка, на стоянку коряков налет совершили,— почти жалобно отвечал тонкокостный.— Табун оленей угнали, шельмы! Ну мы, как прознали, так сразу за ними, да куда там! Этот вон со своей ярангой на стоянку встал, мы его только и нагнали!

— Еще кто в яранге был?

— Та никого. Мы как вошли — смотрим, а там бабы малят передушили, как курей, и себе глотки поперерезали! Токмо и успели, что этого заарканить...

— Дикари! — с отвращением фыркнул медведopodobный.— Можно подумать, нужны нам их бабы сильно...

Пленник не понимал, о чем говорят русские, а только скалился и бешено вращал злыми

маленькими глазками, похожими на засохшие капли смолы на коре дерева.

— Ладно. Давай, толмач, разговори его, а Кривошапкин пока кочергу раскалит...

Коряк опустился на колени перед луораветланом, не зная, что делать дальше. Веревка на шее чукчи была затянута до того сильно, что тот хрипел, будто раненый олень, но в позе и взгляде его читалась злая непоколебимая воля.

— Ты чернорук? — глупо спросил Кайнын, лихорадочно перебирая в голове все чукотские слова, что знал, благо русские не понимали ни по-чукотски, ни по-корякски.

— Собака двуногая! — просипел пленник, ослабившись. Зубов у него не хватало. — Ты говоришь на языке настоящих людей, но болтаешь попусту. В ваших теплых лесах слова не стоят ничего. На море ты не открываешь рот, если тебе нечего сказать. Да, я чернорук. По точке за каждую двуногую нелюдь, что я убил.

— Они хотят ты говорить, — осторожно сказал Кайнын.

— Я воин. Я не говорю.

— Ты пленник, — осмелев, ответил Кайнын. — Не говорить — они пытать.

— Я воин! — упрямо повторил чукча. — Я не боюсь боли. Им надо бояться.

— Эй, там, хорош ворковать! — вмешался Павлуцкий. — Узнай у него, куда увели оленей. Заартачится — скажи, мы его кочергой! Олени таперича царские, так что...

— Куда уйти твой люди? — послушно перевел Кайнын.

— Передай нелюдям Белого Царя, что они увидят оленей. Когда мы засолим их головы и подвесим их на нарты!

Пленник плюнул в лицо Кайныну вязкой воюющей слюной. Тут же сотник с кочергой собрался было прижечь наглого чукчу, но тот как-то хитро вывернулся, и кочерга прижгла бедро медведеподобному стрелцу. Его страшный басовитый крик смешался с шипением ткани и плоти. Могучая рука выпустила веревку, и луораветлан снова оказался на свободе. Павлуцкий вместе с Котковским ринулись к двери, стремясь перехватить беглеца, но он почему-то метнулся к печке, больно наступив Кайныну прямо на грудь. Отшвырнув заслонку в сторону, чукча в мгновение ока нырнул прямо в огненную пасть, да так, что снаружи остались только темные, похожие на замшелые коряги, пятки. Из глубин печи раздался жуткий болезненный вой, многократно усиленный эхом.

— Тяни его! — скомандовал майор и сам кинулся к печи, следом за ним и оба сотника — стрелец с подпаленными чреслами катался по полу.

Ругаясь и морщась от жара, троица изо всех сил тянула за пятки, но чукча будто застрял в трубе и никак не желал вылезать. Кайнын в ужасе смотрел, как дрыгаются черные от сажи ступни, как разлетаются по полу уголья, и зажимал уши, лишь бы не слышать предсмертных криков пленника, больше похожих на лай или... смех.

— Все! Кончился, братцы, — подвел итог Павлуцкий, когда крики затихли. — Зовите мужиков, зацепился он крепко. Достать надобно, а то вся

изба мертвечиной провоняет. Слышь, кривоногий, ты живой там? Бабе скажи, чтоб за водой сбегала — вон, вишь, как Еремея скрутило! — Подойдя поближе к юноше, Морж-Казак оценивающе его оглядел и усмехнулся: — А все ж таки толмач мне нужен. Хай и такой сойдет! Ежели все чукчи от твоих речей в печь сами попрыгают, оно, глядишь, и сподручней будет!

Громогласно расхохотавшись, Павлуцкий снял меха уже со своего пояса и сунул горлышко в зубы Кайныну. Теперь тот пил водку жадно, точно молоко материнское, и, как младенец, вскоре забылся беспокойным сном, в котором горели уголья, шкворчала плоть и махал саблей Морж-Казак.

Лелекай правил нартами, весь сосредоточенный исключительно на оленях. Стоило хоть на секунду задуматься о том, что ждет впереди, как хотелось развернуться и всадить нож прямо под деревянное лицо этого гадкого истукана, там, где под грубой тюленьей кожей скрывалось мягкое незащитное стариковское горло.

— А правда, отец, что деревья там выше человеческого роста? — раздался голос сына, и Лелекай сморщился, будто от зубной боли.

— Попусту рот на морозе не разевай! — грубо ответил он.

В глубине души чувство вины густо перемешивалось со стыдом и ненавистью к самому себе и деду Имрыну, но все подавлял долг, необъятный и неоплатный долг перед «настоящими людьми», он заполнял собой все существо юноши, давая

жуткий, гадкий, но честный ответ на все вопросы. Еще никогда в жизни он не был в таком смятении. Там, у океана, все было просто: жизнь там, где белое, смерть там, где черное, добыча — в воде, олени — на пастбище, а враги где-то далеко за горизонтом. Теперь же привычная бесконечная белизна отступала, из голой серой земли лезли чахлые кустики и деревца, на горизонте ждала неизвестность, а черное и белое слились воедино, в некую неразделимую массу, где Лелекай чувствовал себя потерянным, точно олененок, отбившийся во выюгу от стада.

— Не думай, Лелекай! — будто угадав его мысли, бросил Имрын.— Время думать прошло, теперь время действовать.

— Смотри, отец, они и правда огромные! — воскликнул Танат, указывая пальцем перед собой.

На горизонте вырастал самый настоящий лес. Лелекай и сам был бы ошеломлен размерами этих чудовищных, циклопических сосен, если бы не кипящий клубок мыслей, никак не желающий распутываться. После целой недели пути по белоснежной пустоши отрадно было увидеть хоть что-то, кроме снега и ледяных торосов, но перед глазами стояло лишь лицо дедушки Имрына.

Лелекай тоже должен был стать шаманом. Имрын среди прочих отпрысков выбрал его за храбрость и преданность, ведь наследника кама ждала незавидная судьба. Старый шаман, когда тело его совсем износится, должен был сойти в бездну — сесть на одинокую льдину и оттолкнуться от берега, дабы демоны с бивнями моржей и рогами оленей, похожие на рыб, могли забрать его душу. Многие месяцы они будут терзать ее, подвергать